

316.6/2(082)

Г 87

Громадянське суспільство та проблеми становлення особистості

Збірник
наукових
праць

Випуск 3

Гражданское общество: поиск научной парадигмы

В статье представлен краткий обзор традиционных и современных концепций гражданского общества, раскрыты базовые принципы его становления и функционирования. Сделана попытка очертить исходные предпосылки мультипарадигмального подхода к его обоснованию.

The article presents the short review of traditional and modern concepts of civil society; the basic principles of its formation and functioning are considered. An attempt to outline initial preconditions of the multiparadigm approach to its substantiation is made.

Понятие «гражданское общество» уже давно стало одним из наиболее обсуждаемых учёными-гуманитариями, что, однако, не привело к нахождению и признанию общей концепции понимания его сущности. Расхождения во взглядах фокусируются как на его внутренних особенностях и характеристиках, так и на его механизме и внешних условиях формирования, проявления и функционирования. Очевидно, что различные общественно-исторические условия по-разному влияют на формы проявления гражданских институций и воздействия на социальную жизнь в целом. Для того, чтобы разобраться в сущности, структуре и особенностях гражданского общества, необходимо проанализировать наиболее известные концептуальные подходы к его пониманию и определению.

Прежде всего, следует выяснить исторические условия появления этого понятия. Необходимо отметить, что доподлинно не ясно, когда и кем впервые был употреблён термин «гражданское общество».

М. А. Бойчук в своей монографии, посвящённой изучению механизмов взаимодействия власти и гражданского общества, утверждает, что сначала понятие «гражданское общество» употребляется в системе Римского права, где обозначает «совокупность субъектов

гражданского права, будучи производным от двух понятий «общество» и «гражданский» [1, с. 27].

Такого же мнения придерживаются и составители энциклопедического словаря по политологии, отмечая, что «исторически идея гражданского общества восходит к Древней Греции и античному Риму, к политико-юридической мысли того времени, в частности, к творчеству Цицерона, когда сложились представления о гражданстве и гражданине, и возникло понятие общества как совокупности граждан» [2, с. 75]. Известно, что оба эти слова этимологически родственные и однокоренные: *civis* (лат.) – гражданин и *civitas* (лат.) – общество. И они связаны с представлением о городе и государстве. Читаем в «Политике» Аристотеля: «Гражданин только тот, кто состоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» [3, с. 460].

Но это не единственная точка зрения относительно времени появления термина «гражданское общество». Белорусский учёный А. А. Грицанов считает, что впервые в европейских языках он был использован в XVI веке в одном из французских комментариев к «Политике» Аристотеля [4, с. 241]. «Появление понятия гражданское общество, – пишет он, – практически синхронно формированию оснований европейской политической науки..., что обусловило его смысловую многовариантность» [там же]. Однако неизвестно, кто был автором названных комментариев и в каком контексте употреблялся термин «гражданское общество».

Как известно, в середине XVII в. английский философ и политический теоретик Т. Гоббс в работах «О гражданине» (1642 г.) и «Левиафан» (1651 г.) предложил своё видение гражданского общества, которое, по его мнению, возникает при переходе от природной (естественной) жизни людей, которым характерны всеобщая вражда, необузданность страстей и страх смерти, к упорядоченному общественному взаимодействию. Оно характеризуется определённой культурой, централизованной властью государства, стремящегося поддерживать порядок и сохранять мир. «При установлении государства

люди руководствуются, – писал философ – стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося необходимым следствием естественных страстей людей» [5, с. 129]. Именно Т. Гоббс впервые разграничил право и закон и обосновал неотделимость гражданского общества от государства, которое он считал главным творением людей. Тезаурусно идею Т. Гоббса о сущности гражданского общества можно представить так: «культура – порядок (закон) – мир».

Просветительские идеи Т. Гоббса о государстве и гражданском обществе стали источником всестороннего интереса и были развиты в научных работах многих виднейших мыслителей XVII–XIX вв.

Социально-политическая концепция Дж. Локка основывается на учении о естественном праве и общественном договоре, квинтэссенцией которого является идея полной свободы человека и равенства людей, выраженная формулой: «жизнь – свобода – собственность». Он, в отличие от Т. Гоббса, пытался обосновать идею разграничения гражданского общества и государства, считая, что первое сформировалось гораздо раньше последнего, но вместе с тем между ними существует прочная взаимосвязь. В государстве, по его мнению, «каждый человек, согласившись с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берёт на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным» [6, с. 318]. А закон общества защищает человека от произвола, существующего в рамках естественной свободы, отказываясь от которой, люди тем самым «надевают на себя узы гражданского общества» и подчиняются политической власти [цит. по: 7, с. 364]. Вместе с тем народ имеет право восстать, чтобы освободиться от власти, которая злоупотребляет его доверием или сама нарушает законы.

Вслед за Дж. Локком разделял общество и государство один из крупнейших политиков и просветителей Франции Ш. Монтескье. В своей работе «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734 г.) он делает попытку обоснования идеи о том, что общество способно успешно развиваться там, где граждане свободны и независимы. Гражданское общество является результатом исторического

развития, «четвёртой ступеню человеческой истории после естественного состояния, семьи и героического времени. Оно возникает до государства, которое и вырастает из него, чтобы предотвратить враждебные отношения людей друг к другу» [7, с. 236]. Ш. Монтескье считал, что в связи с таким делением, существуют законодательные, гражданские (регламентация отношений собственности, различных добровольных объединений) и политические (регулирование политических прав и свобод граждан) законы. Пытаясь понять общество как целое, в работе «О духе законов» [8, с. 393] он предпринял попытку осуществить социологический анализ общественных систем и выявить причины, которые приводят к формированию отношений определённого типа. Такими причинами, по его мнению, являются и материальные (природные), и моральные (религия как общий дух нации) факторы, обеспечивающие единство общественной жизни. Если попытаться определить *формулу гражданского общества* по Ш. Монтескье, то она, по нашему мнению, звучала бы так: «свобода – независимость – закон», неслучайно он писал: «политическая свобода состоит не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т.е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть законов» [8, с. 288-289].

Весьма привлекательными относительно гражданского общества являются высказывания Т. Джефферсона, ученого, государственного и общественно-политического деятеля, президента (1801 г., 1804 г.) США, автора Декларации независимости – акта, в котором впервые в мировой истории основой государственной жизни была провозглашена идея народного суверенитета. В отличие от своих европейских коллег, он чётко разграничил общество и государство, как с точки зрения их сущности, так и генезиса, и значения. Общество, по мнению Т. Джефферсона, «не искусственное образование, возникшее на определённой стадии развития человеческого рода, а естественное существование, присущее человеку со дня творения. Государство же вторично, олицетворяет зло, так как возникает в результате ослабления естественной моральной основы общества» [7, с. 374]. В Декла-

рации независимости Т. Джефферсон провозглашает *новый базовый принцип гражданского общества*: «жизнь – свобода – счастье», утверждая что «все люди сотворены равными, и все они одарены прирождёнными и неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и достижение счастья». В отличие от Дж. Локка, частную собственность он рассматривал не как естественное право, а как право гражданское. Заслуживает внимания мысль Т. Джефферсона о сочетании правления народного большинства посредством избрания его представителей с обязательным разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную. «Мы стоим за такое правительство, – писал он, – которое должно быть основано на свободных принципах, но в котором правительственные власти были бы разделены и так уравновешены..., чтобы ни одна не могла преступить свои правовые пределы без действительного контроля и ограничения со стороны других властей» [9, с. 52]. В этой позиции с одной стороны чётко прослеживается создание условий для стремления народа к свободе и самоопределению, и создание такого правительства, которое обеспечивало бы воплощение в жизнь естественных прав людей – с другой.

Идеи формирования гражданского общества получили дальнейшее развитие в работах Г. Гегеля. Гражданское общество для него – это не только сфера частной жизни граждан, но и сложное сочетание «интересов частных лиц, классов, различных групп и институтов, взаимодействие которых регулируется правом» [цит. по: 10, с. 226-227]. А фундаментом гражданского общества являются частная собственность, общность интересов и формальное равенство граждан. Г. Гегель, как известно, не разделял мнение тех философов, которые пропагандировали насильственный братский союз людей и общность имущества. Для него гражданское общество – это особая стадия на пути от семьи к государству, это арена «взаимодействия, согласования и противостояния разнообразных интересов, тенденций к усилению одних его элементов за счёт подавления других» [там же]. Государство в понимании Г. Гегеля – это более развитая общественная структура, чем гражданское общество, которая удерживает его в

подчинённом состоянии, вместе с тем обеспечивает свободу гражданам. Очевидно, что исходными принципами гражданского общества для Г. Гегеля являются: *«частная собственность, общность интересов, формальное равенство граждан»*. В отличие от своих предшественников, которые основывали своё учение о гражданском обществе, ориентируясь на ценностно-нормативный подход (жизнь, счастье, свобода, независимость, мир, закон, порядок), он заложил основы институционального подхода к его формированию – создание институтов частной собственности, социальных организаций на основе общности интересов, права.

Глубокое и всестороннее обоснование генезиса и роли гражданского общества в становлении и развитии государства осуществили в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс. В работе «Немецкая идеология» учёные утверждают, что гражданское общество – это «форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обуславливаемая производительными силами и, в свою очередь, их обуславливающая», которая «имеет своей предпосылкой и основой простую семью и сложную семью, так называемый племенной строй» [11, с. 28-29]. Процесс дифференциации и постепенной автономизации различных сфер общественной жизни, который идёт синхронно с развитием цивилизации, приводит к тому, что гражданское общество превращается в многоуровневую социальную систему, которая является сферой материальной, экономической жизни и деятельности людей, выступая одновременно «истинным очагом и ареной всей истории» [12, с. 35] и источником форм сознания, религии, философии, морали и т.д. [11, с. 33].

Очевидной является идея, согласно которой гражданское общество и государство взаимообусловлены, хотя всё-таки не государством определяется и обуславливается гражданское общество, а скорее наоборот, гражданским обществом обуславливается и определяется государство: «Гражданское общество обнимает всё материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства

и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства» [11, с. 71]. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновывают важный вывод о том, что гражданское общество «развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно на *производстве и общении общественная организация*, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки (выд. мной: А. Л.) [см.: там же]. Если государство характеризуется публичной властью, то гражданское общество – индивидуальной свободой [12, с. 401].

Российские социологи, анализируя становление гражданского общества, придерживаются мнения, что Г. Гегель и К. Маркс каждый по-своему подошли к вопросу о разделении и сочетании генетического (общество возникло раньше государства) и структурного подходов: «первый выдвигал концепцию государства как нравственного целого, всеобщей воли и всеобщего разума, в форме конституционной монархии, второй – коммунистической утопией, сочетаемой с идеей социально-экономической формации» [13, с. 15]. Но, на наш взгляд, в марксистской философии сформировался скорее деятельностно-организационный, чем структуралистский подход к пониманию гражданского общества, так как исходными принципами его формирования и функционирования явились следующие: *«индивидуальная свобода – общение индивидов – общественная организация»*. Общение индивидов – это не просто структура связей, это, прежде всего, действия, деятельность в сфере труда, производства материальных благ и оказания услуг.

Таким образом, к началу XX в. в общественной мысли относительно принципов формирования и функционирования гражданского общества, на наш взгляд, отчётливо выделились три основных подхода: ценностно-нормативный (Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Дж. Локк, Т. Джефферсон и др.), институциональный (Г. Гегель и др.) и деятельностно-организационный (К. Маркс, Ф. Энгельс и др.), которые и нашли своё дальнейшее развитие в работах социологов и политологов.

В современном социологическом дискурсе, как отмечает Б. З. Хидекель, прослеживаются две основные позиции к пониманию гражданского общества. Первая сводится к рассмотрению его как системы самостоятельных и независимых от государства общественных институтов, организаций и объединений, которые выражают разнообразные частные интересы и потребности людей и создают условия для их реализации (К. Гаджиев и др.). Вторая позиция – как формы общения людей в рамках современной промышленной цивилизации или как состояние общества, образованного из социальных классов и слоёв, которые располагают собственными, независимыми от государства источниками существования (В. Библер и др.) [10, с. 230].

Нетрудно заметить, что первая позиция основывается на институциональном подходе, а вторая – на деятельностно-организационном.

Есть другая точка зрения, которую высказывает М. А. Бойчук, основываясь на мыслях Ф. М. Рудича о существовании двух основных подходов к изучению гражданского общества, т.е. рассмотрению его «как определённого социума, идентифицируемого с определённым государством, взятом в целом» и как «внегосударственной сферы социума» [1, с. 33]. Полагаем, что это не подходы, а скорее *две формы презентации гражданского общества на основе принципа его соотношения с государством*, вокруг которого и разворачивается научная дискуссия. Характерно, что обе формы можно рассматривать как с точки зрения институционального, так и деятельностно-организационного подхода.

Так, А. Грамши обосновал вариант сбалансированных отношений между гражданским обществом и государством, отмечая, что «если государство начинает шататься, тотчас же выступает наружу прочная структура гражданского общества» [14, с. 200]. А российские исследователи М. Ильин и Б. Коваль в работе «Две стороны одной медали: гражданское общество и государство» считают, что гражданское общество станет почвой развития гегемонии, которая затем может быть распространена и на государство, и на экономический базис, которые с разных сторон противостоят ему [15, с. 199].

Но, как отмечает Б. З. Хидекель, стремление «полностью изолировать гражданское общество от государства и политики... свидетельствует о том, что приверженцы такого подхода, во-первых, абсолютно исключают позитивное в государстве, а во-вторых, не замечают, что институты гражданского общества и сами могут взаимно подавлять или подрывать друг друга (рынок, СМИ и т.д.) [10, с. 231].

Противоположной точки зрения придерживается американский исследователь И. Шапиро, считая, что государственные институты в роли инструментов демократизации гражданского общества зачастую оказываются крайне неэффективными, поскольку, во-первых, государственные механизмы не всегда располагают необходимыми знаниями специфического контекста, а, во-вторых, попытки регулирования гражданского общества со стороны государства нередко оборачиваются рождением бесполезных и дорогостоящих структур, более озабоченных собственным существованием, нежели решением проблемы [16].

Как видим, вопрос соотношения государства и гражданского общества пока остаётся спорным. Компромиссное решение предлагает американский учёный М. Волзер в своей работе «Сферы справедливости» (1983 г.), отводя государству посредническую роль в демократическом переустройстве общества, при этом, акцентируя внимание на недопущении попыток регулирования процессов, которые происходят внутри гражданского общества. Чтобы согласиться или не согласиться с подобной позицией, следует разобраться в том, что же представляет собой гражданское общество в современных трактовках.

Широко обсуждаемыми в социологическом сообществе являются научные идеи известного немецкого учёного Ю. Хабермаса. Ответственность в его понимании – это исторически сформировавшиеся социальные срезы – образцы открытости, совместности общественной жизнедеятельности людей, назначение которых состоит в поддержании и развитии «производительной силы коммуникации, которая наиболее отчётливо выражается в борьбе за социальное освобождение» [17, с. 84]. По мнению учёного, «коммуникативный разум заставил считаться с собой и в движениях за гражданскую эманси-

пацию – в борьбе за суверенитет народа и права человека. Он отложился в учреждениях демократического правового государства и в институтах гражданской общественности» [там же].

Как справедливо подчёркивает украинский социолог С. Барматова, «анализируя и реконструируя Марксову концепцию общества, Хабермас вырабатывает критическую позицию, согласно которой общество и процесс его развития не могут объясняться и определяться сферой производства его развития или экономической сферой инструментального и стратегического действия. Человечество учится и движется вперёд не только в сфере когнитивного, но и в сфере сугубо ценностно-нормативного знания, и общество определяется соответствующей сферой коммуникативного разума» [18, с. 63]. Поскольку общество для Ю. Хабермаса – это и «жизненный мир» (символическое самовоспроизводство и самопрезентация), и одновременно «система действий», то становится понятным его акцент на демократической самоорганизации и политической коммуникации как базовых основах формирования и функционирования гражданского общества. Демократическая самоорганизация, по его мнению, должна мыслиться «как процесс – как процедура формирования мнений и воли народа. *Легитимно не то решение, которое выражает якобы уже сформированную волю народа, но то, в обсуждении которого приняло участие наибольшее количество граждан.* Политическая коммуникация сама должна рационально формировать волю её участников, а не просто отражать их «дополитические» пристрастия» (выд. мной: А. Л.) [см.: там же, с. 65]. Это положение легло в основу его нормативной модели «делиберативной (от лат. *deliberatio* – обсуждение) демократии», базисным принципом которой стало создание сообщества свободных и равных индивидов, определяющих формы своей совместной жизни при помощи политической коммуникации путём свободного волеизъявления. В статье «Отношения между системой и жизненным миром в условиях капитализма», обосновывая принципы массовой демократии, Ю. Хабермас подчёркивает, что для осуществления властных полномочий недостаточно создать «общественно-правовой аналог органи-

зации управления, существующий в экономической системе (я имею в виду законодательное регулирование публичной сферы), помимо этого существует необходимость легитимации господствующего порядка. А в условиях рационального общества, для которого характерна высокая степень индивидуализации субъектов, с нормами, которые стали абстрактными, безусловно, позитивными и нуждающимися в подтверждении, и традициями, рефлексивно и коммуникативно размытыми в части требований, предъявляемых к власти – легитимации можно достичь в основном демократическими методами политического волеизъявления» [19, с. 355-356].

Значит, чем большее количество членов общества примут участие в обсуждении общих решений и поддержат их, тем прочнее будет фундамент гражданственности этого общества, тем выше будут его требования к власти – административным (государственным) структурам. Принимая во внимание существование двух видов власти: власти, рождающейся в процессе свободных, неограниченных коммуникативных действий политической общественности в рамках «жизненного мира», и административно применяемой власти в рамках системы [17, с. 50], Ю. Хабермас связывает формирование гражданского общества с развитием политической гласности и правовых институтов. Это происходит следующим образом: люди, образуя публику, начинают контролировать власть, критикуя её и предлагая (или требуя) её преобразования. Гласность, т.е. «публичная сфера», коммуникативная сфера, в свою очередь, становятся местом, где частные лица, объединённые в общность, заставляют власть искать легитимизации перед лицом общественного мнения. Поэтому именно коммуникативная сфера становится политической реальностью, носителем твёрдой политической власти гражданского общества в его соотношении с государством. Её институционализация, осуществляемая при помощи демократических процедур правового государства, может способствовать рациональному формированию воли только в той мере, в какой организованное формирование мнений остаётся открытым для свободного доступа тем, размышлений и аргументов из круга политической коммуникации [18, с. 69].

Таким образом, в контексте теоретических конструкций Ю. Хабермаса, гражданское общество можно представить в категориях *инструментальной рациональности, коммуникативности действий и всеобщего консенсуса*.

Общепризнанным специалистом в области социологического переосмысления гражданского общества является известный американский социолог Дж. Александер, который критично относится к тем социологам, которые считали, что гражданское общество исчерпывает себя в капиталистическом обществе. В работе «Парадоксы гражданского общества» (1997 г.), он пишет: «Для многих мыслителей – от Уолтера Липпмана и Джона Дьюи до Ч. Райта Миллса, Ханны Аренд и Юргена Хабермаса – исчезновение гражданской жизни стало аксиоматическим при рассмотрении жизненного мира XX ст. Сторонники этой исторической смены интеллектуальных основ, эти влиятельные мыслители были не способны осмыслить её рефлексивно. Они были убеждены, что именно капитализм разрушил гражданскую жизнь, когда в большинстве демократических обществ всемогущественный рынок разорвал социальные связи, превратил граждан в эгоистов и передал олигархам и бюрократиям полноту власти. Капитализм представлялся как мир, где властвует уединённость. То, что это не совсем так, трудно было рассмотреть даже наиболее сообразительным социальным наблюдателям. Идея гражданского общества была исчерпана, а социальные условия не исчерпали своей силы» [20, с. 31]. Далее он отмечает, что современные дискуссии относительно гражданского общества черпают материал о нём из устаревших представлений, отождествляя его либо с частной сферой семьи и добровольных организаций (А. Вольф), либо с соблюдением принципов разума в гранично абстрактном смысле (А. Селигман), либо с патриархальными родственными отношениями (С. Патеман), либо с государством (Г. Арне, Б. Киммерлинг), либо с сутью общественной жизни, которая находится за пределами экономики и государства (Д. Коен, А. Арато) [там же, с. 39]. Не разделяя названные взгляды, Дж. Александер, рассматривает гражданское общество в функционалистском и в феноменологическом понимании. В функ-

ционалистских терминах он трактует его как «социальное измерение или субсистему, которая, подпитываясь от других сфер (негражданская – А. Л.), испытывает их сдерживающее влияние и, в свою очередь, осуществляет действия, которые их сдерживают», а в феноменологическом значении, по его мнению, гражданское общество «перебирает на себя некоторые из фундаментальных основ, от которых зависит жизнедеятельность этих сфер», другими словами «создаёт значительную часть публичного жизненного мира, на котором основывается современная социальная организация» [там же, с. 40]. Что же представляет собой это «социальное измерение» или «субсистема»? Ответ на этот вопрос Дж. Александер даёт в своих последующих работах, анализ которых представил украинский социолог В. Степаненко в статье «Гражданское общество как дискурс и социальный нормативный порядок в социологии Джеффри Александера» [21]. Он очерчивает основные теоретические положения Дж. Александера следующим образом [21, с. 6]:

- во-первых, гражданское общество можно представить как культурную и регулятивную логику организации общественной жизни и её нормативно-идеальный тип, т.е. как особую культурную субсистему, характеристиками которой выступают дискурсы, социальные коды, символические концепты и культурные практики;

- во-вторых, такая особая (культурно-символическая) специфика гражданского общества требует для её адекватного понимания и исследования новых теоретических подходов и синтезов – «ценностного анализа» или «культурного подхода» в рамках постпозитивистского теоретического направления культурной социологии;

- в-третьих, гражданское общество не ограничивается сферой культуры, а присутствует в качестве общественного идеала и формирует императивы во многих других сферах (или подсистемах) общественной жизнедеятельности – в межгосударственных отношениях, политике, экономике, идеологии, государстве, семье и т.п.

Таким образом, Дж. Александер обосновывает новый – синтетический (функционально-феноменологический) подход к пониманию гражданского общества: с одной стороны гражданское общество –

это бинарная (цивильное и антицивильное) социальная структура: институты, акторы и их мотивы и взаимодействия; с другой – это культурные дискурсы, коды, символизации и практики, благодаря которым осуществляется поиск общих ценностей, т.е. формируется идеально-нормативный формат, называемый гражданским обществом, цель которого – моральная регуляция социальной жизни [там же, с. 10]. Ценность представленной концепции, на наш взгляд, заключается не только в её нормативно-ценностном и культурном подходе, но и в обосновании учёным методологической основы для выявления степени наличия или развития «гражданственности» в любом обществе, независимо от реализуемой в нём экономической или политической системы. Это так называемый, бинарный дискурс гражданского общества (табл. 1), «определяющей исторической составляющей которого является «демократический код», формирующий доминантный дискурс свободы и обуславливающий поведение и мотивацию акторов, социальные взаимоотношения и способы функционирования социальных институтов» [21, с. 11].

Внимательный анализ представленного бинарного дискурса свидетельствует, что некоторые из его кодов были определены и обоснованы философами-предшественниками Дж. Александера как основополагающие принципы гражданского общества. Например, культура – Т. Гоббсом; закон – Ш. Монтескье; равенство, управляемость правилами (формальное равенство граждан) – Г. Гегелем, открытость (свобода) – Т. Джефферсоном, иерархичность, группы (общение индивидов) и учреждения (общественная организация) – К. Марксом.

Но учёный идёт дальше, он акцентирует внимание не столько на коллективистских ценностях, которые до него рассматривались в качестве основополагающих для формирования гражданского общества, сколько на индивидуальных и дуальных: здравом смысле, альтруизме, честности, прямоте, беспристрастности, дружелюбии, доверчивости, собственном интересе и т.д.

Бинарный дискурс гражданского общества [21, с. 373]

Мотивы (акторов)	
<i>Гражданские (civil)</i>	<i>Антигражданские (anticivil)</i>
Активность	Пассивность
Автономность	Зависимость
Рациональность	Иррациональность
Рассудительность	Истеричность
Сдержанность	Возбуждаемость
Самоконтроль	Неспособность контролировать страсти
Реалистичность	Искажение действительности
Здравый смысл	Бред
Взаимоотношения	
<i>Гражданские (civil)</i>	<i>Антигражданские (anticivil)</i>
Открытость	Секретность
Доверчивость	Подозрительность
Критичность	Неразборчивость
Уважение	Собственный интерес
Альтруизм	Жадность
Честность	Обман
Прямота	Расчёт
Открытость к обсуждениям	Келейность
Дружелюбие	Антагонизм
Институты	
<i>Гражданские (civil)</i>	<i>Антигражданские (anticivil)</i>
Управляемость правилами	Бесчинство
Закон	Власть
Равенство	Иерархичность
Привлечения	Ограничения
Беспристрастность	Субъективизм
Контракт	Связи лояльности
Группы (groups)	Группировки (factions)
Учреждения	Личность

Это говорит о том, что принципы функционирования гражданского общества Дж. Александер рассматривает в двух плоскостях: лично-индивидуальной и социально-групповой (коллективистской). Выстраивая свою структуру гражданского общества, он кроме би-

нарных кодов включает в неё акторов, социальные взаимодействия и институты [22, с. 11]. Однако, приписывая им определённые бинарные коды и соответствующие им функции, он выстраивает *лишь комбинаторику функционирования гражданского общества*, но не обосновывает *механизм её создания и воспроизводства*, не уточняет, каким образом происходит формирование и трансформация культурных дискурсов, символов практик. Поэтому концептуальный подход Дж. Александера, полагаем, может быть дополнен *деятельностно-самоорганизационным подходом*. Совершенно очевидно, что функционирование акторов и институтов как субъектов гражданского общества предполагает их *деятельность* не только *по созданию* определенных ценностно-культурных практик, символов и дискурсов, но и последовательность целенаправленных действий по самоорганизации, самообновлению и самовоспроизводству.

На основе очерченного подхода, полагаем, обосновывает определение гражданского общества В. Степаненко. По его мнению, это «теоретический и идеологический концепт», который «обозначает публичную сферу, символическое поле *гражданской активности*, сеть социальных институтов, практики и ценности, которые охватывают комплекс основных социетальных характеристик и параметров общественной жизнедеятельности, отделённой от государства и *основополагающе самоорганизующейся*. Это – комплексный социокультурный и политический феномен, который предполагает наличие развитых социальных институтов, социальных практик, общественных норм, ценностей и идеалов» (выд. мной – А. Л.) [23, с. 45-46].

Таким образом, по-нашему мнению, для обоснования механизма формирования и функционирования гражданского общества – как многогранного социокультурного и институционального образования – необходима новая система теоретических и методологических принципов мировидения, ценностей, символических обобщений, которая может быть разработана на основе *мультипарадигмального подхода*, основывающегося функционально-феноменологической и деятельностно-самоорганизационной парадигмах научного познания.

Литература

1. Бойчук М.Г. Влада и громадянське суспільство: механізми взаємодії. – К.: ТОВ «Атлант ЮЕМС», 2007. – С. 27.
2. Политология. Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Аверьянов Ю. И. – М.: Изд-во МКУ. – 1993. – С. 75.
3. Аристотель. Политика // Соч. – М., 1983. – Т. 4. – С. 469.
4. Грицапов А. А. Гражданское общество // Социология. Энциклопедия. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 241-242.
5. Гоббс Т. Соч. в 2-х т. – М., 1991. – Т. 2. – С. 129.
6. Локк Дж. Соч. в 3-х т. – М., 1988. – Т. 3. – С. 318.
7. Политическая социология / Отв. ред. Г. П. Сопов. – Ростов н/Д: Феникс, 1997.
8. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1965.
9. Американские просветители. – М., 1968. – Т. 2. – С. 52.
10. Хидекель Б. З. Гражданское общество и государство // Политическая социология / Отв. ред. Г. П. Сопов. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – С. 225-252.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. – М. – Т. 1. – С. 28-29.
12. Маркс К., Энгельс Ф. . Соч. – М. – Т. 3. – С. 35.
13. Голенцова З. Т., Витюк В. В., Гридчин Ю. В., Черных А. И., Романенко Л. М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социс. – 1995. – № 6, – С. 14-24.
14. Грамши А. Избранные произведения в 3-х томах. – М., 1987-1989. – Т. 3. – С. 200.
15. Ильин М., Коваль Б. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Социс. – 1992. – № 1-2. – С. 199.
16. Шаширо И. Демократия и гражданское общество // Социс. – 1992. – № 4.
17. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. – М., 1995.
18. Барматова С. Роль Ю. Хабермаса в развитии универсальной теории политической коммуникации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2003. – № 2. – С. 60-71.
19. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях капитализма // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. / Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 353-372.
20. Александер Джеффри С. Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 27-41.
21. Степаненко В. Гражданское общество как дискурс и социальный нормативный порядок в социологии Джеффри Александера // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 2. – С. 5-23.
22. Alexander J. The Long and Winding Road: Civil Repair of Intimate Injustice // Sociological Theory. – 2001. – Vol. 19. – № 3. – P. 371-400.
23. Степаненко В. Громадянське суспільство: теорія, інститути та моделі розвитку // Структурні виміри сучасного суспільства / За ред. С. Макеєва. – К., 2006. – С. 44-73.